

Мехен Альфред Тейер

**Влияние морской силы на
историю**

1660-1783

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 001
ББК 72
А59

А59 **Альфред Тейер М.**
Влияние морской силы на историю: 1660-1783 / Мехен Альфред Тейер — М.: Книга
по Требованию, 2023. — 454 с.

ISBN 978-5-519-96358-9

ISBN 978-5-519-96358-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

из английских морских авторитетов (J. Leyland), — что всякая мировая держава удерживает все свои заокеанские владения лишь как носитель высшей (ultimate) морской силы».

Отчеты о заседаниях парламента, посвященные ежегодному вотинованию бюджета в период 1890—1914 гг., изобилуют ссылками ораторов обеих буржуазных партий (консервативной и либеральной) на труды Мэхэна.

Польщенные оценками и выводами Мэхэна, имевшими ярко выраженный англофильский характер, восхвалявший морскую славу и величие Англии, английские империалисты превратили оба его путешествия в Англию (в 1893—1895 гг.) в триумфальное шествие.

Торжественный обед в честь капитана Мэхэна у первого лорда адмиралтейства (морского министра Англии) лорда Спенсера... Банкет лорд-мэра Лондона в Сент-Джеймс-Холле в честь Мэхэна, торжественный прием в «Клубе Королевского флота» (Royal Navy club), организованный по подписке более чем 100 адмиралами и капитанами английского военного флота, торжественный прием у королевы Виктории, прием у наследника престола принца Уэльского, будущего английского короля Эдуарда VII, одного из создателей Антанты, прием у лидера либералов премьер-министра лорда Розберри, прием у лидера консерваторов премьер-министра лорда Солсбери, степень доктора права от Оксфордского университета, степень доктора права от Кембриджского университета и т. д. и т. п. — все эти лестные знаки уважения и внимания показывают, насколько высоко английские империалисты оценили труды капитана Мэхэна, изредка жалуясь, как говорит военный обозреватель «Times» полковник Релингтон, лишь на то, что «секрет нашей мировой мощи разоблачен, и во всем мире, в особенности в Германии, началась гонка морских вооружений, которая фактически не угрожает нашему господству на море, но лишает нас возможности встретить равнодушно все комбинации держав».

На другом берегу Северного моря, в Германии, учение Мэхэна нашло не менее внимательных и восторженных учеников и поклонников, чем в Англии.

«Я сейчас не только читаю, но пожираю книгу капитана Мэхэна и стараюсь выучить ее наизусть», писал Вильгельм II в мае 1894 г.

«У Вильгельма одна мысль, — иронически сообщала в 1894 г. его мать, германская императрица Виктория, своей матери, английской королеве Виктории, — иметь флот, который был бы больше и сильнее английского флота, но это поистине чистое сумасшествие и безумие (pure madness and folly), и он увидит, как это невозможно и ненужно».

Вильгельм был настолько увлечен доктриной Мэхэна, что устроил ему почетный прием на своей яхте в Коутсе во время поездки в Англию осенью 1895 г. и вел с ним переписку, хотя Мэхэн не одобрял строительства Германией крупного военного флота.

Создатель германского военного флота гросс-адмирал фон Тирпиц энергично пропагандировал теории Мэхэна в Германии при помощи «Пангерманского союза» и «Флотского союза».

По инициативе Тирпица, осенью 1897 г. книги Мэхэна были переведены на немецкий язык и изданы сериями для того, чтобы возможно скорей предложить их, как выражается Тирпиц, «вниманию широкой публики» и заранее подготовить ее к обсуждению в рейхстаге первого закона о строительстве мощного военного флота.

Крупнейшие ученые Германии — историки Моммзен, Дитрих Шефер, экономисты Луйо Брентано, Шмоллер, Вагнер, Зеринг приняли участие в пропаганде строительства германского военного флота, популяризируя и развивая идеи Мэхэна на страницах влиятельнейших германских газет и журналов. Идеи Мэхэна в значительной степени повлияли на решение германского правительства приступить к строительству огромного флота, способного померяться силами в открытом бою с английским флотом, и были положены в основу германских законов о флоте, принятых рейхстагом в 1898 и 1900 гг.

В Германии борьба между «Большим Генеральным штабом», высказавшимся за скорейшее развязывание войны, и морским министерством (Тирпиц), высказавшимся за воздержание от войны, пока не будет закончено строительство германского военного флота, нашла своеобразное отражение в лозунге германской военной и политической публицистики XX столетия: «Мэхэн против Мольтке».

Следует отметить, что Мэхэн был не единственным автором, выдвинувшим идею о «влиянии морской силы на историю». Почти одновременно с выходом в свет новой книги Мэхэна английский адмирал Филипп Коломб начал печатание в журнале *Illustrated Naval and Military Magazine* серии статей, изданных в 1891 г. отдельной книгой под заглавием «Морская война, ее руководящие принципы и практика в историческом обозрении», в которых пришел к тем же стратегическим выводам и заключениям, к каким пришел и Мэхэн. Но книга Коломбы стала достоянием узкого круга специалистов, тогда как работы Мэхэна, оказавшегося блестящим популяризатором-публицистом, стали достоянием широких масс буржуазной общественности.

В чем же секрет такого успеха идей Мэхэна? Книги Мэхэна были посвящены анализу различных элементов морской силы на примерах морских войн, которые Англия вела в XVII в. с Голландией, в XVIII и в начале XIX в. с Францией и которые, как известно, кончились разгромом морской силы Голландии и Франции и победой Англии. Выводы Мэхэна сводились к тому, что преобладание силы Англии на море явилось важнейшим, чуть ли не единственным фактором, доставившим Англии победу над Голландией и Францией, что конечным, решающим фактором в морской войне являются не крейсерские операции, т. е. операции на морских путях и сообщениях, а бой линейных кораблей, что в строительстве морской силы самым важным элементом является обладание сильным

боевым флотом линейных кораблей, который может разгромить вражеский флот в море или блокадой не допустить его пребывание на океанских просторах.

«Такая война, — утверждал Мэхэн о крейсерской войне, — однако, не может вестись самостоятельно; говоря военным языком, она должна быть *поддерживаемая*; несущественная и эфемерная сама по себе, она не может вестись далеко от баз. Такой базой должны быть либо отечественные порты, либо какой-нибудь солидный форпост национальной силы на берегу или на море: отдаленная колония или сильный флот. При отсутствии такой поддержки крейсер может только торопливо отходить на небольшое расстояние от дома, и его удары, хотя и болезненные, не могут быть роковыми» (стр. 106). «Не захват отдельных кораблей и конвоев неприятеля, хотя бы и в большом числе, расшатывает финансовое могущество нации, а подавляющее превосходство на море, изгоняющее с его поверхности неприятельский флаг или позволяющее появление последнего лишь как беглеца; такое превосходство позволяет установить контроль над океаном и закрыть пути, по которым торговые суда движутся от неприятельских берегов и к ним. Подобное превосходство может быть достигнуто только при посредстве больших флотов, — но и при наличии их оно менее действительно на широких водных пространствах, чем это было в дни, когда нейтральный флаг не пользовался такой неприкосновенностью, как теперь» (стр. 110).

Концепция Мэхэна, что конечным, решающим фактором морской силы является лишь обладание сильным линейным флотом, способным разбить врага и выгнать его с моря, противоречила другой стратегической концепции, имевшей некоторое распространение в начале 90-х годов XIX в., — о решающем значении крейсерской войны. Эту теорию проповедывала во Франции так называемая «молодая школа» в лице адмиралов Оба (Aube), Жюриен де ла Гравьера, Тушара и др. «Молодая школа» представляла себе ход операции в морской войне будущего следующим образом:

«Завтра вспыхнет война. Миноносец высматривает один из океанских пароходов с грузами большей ценности, чем грузы богатейших галионов Испании. Миноносец будет следовать на расстоянии, держась вне видимости, и когда спустится ночь, подойдет незамеченным поближе к пароходу и пошлет на дно грузы, экипаж и пассажиров не только без угрызения совести, но гордясь достигнутым. Подобные жестокости можно будет увидеть в каждой части океана. Другие могут протестовать. Что касается нас, то мы допускаем в этих новых методах разрушения развитие того закона прогресса, в который мы твердо верим и конечным результатом которого будет прекращение войны»¹.

Борьба двух стратегических концепций войны на море — концепции Мэхэна и концепции «молодой школы» — закончилась победой идей Мэхэна. В период 1890—1914 гг. все так называемые великие империалистические державы — Англия, Германия, Россия,

¹ Цит. по «Naval Annuals», 1890, p. IV.

Франция, Австро-Венгрия, США и Япония, а за ними и такие государства, как Турция, Чили, Аргентина, Бразилия, встали на путь создания сильного линейного флота. Подводные лодки в это время еще были технически несовершенны и тактика их еще не была на высоком уровне. Поэтому до начала первой мировой империалистической войны подводные лодки считались всего лишь вспомогательным средством войны на море. Только опыт войны 1914—1918 гг. выдвинул подводную лодку в качестве нового и притом очень важного средства войны, которое коренным образом изменило существовавшие до этого взгляды на ведение морских операций и на основную концепцию ведения войны на море. Опыт военных операций германских подводных лодок во время первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. вызвал в первые годы после Версаля (на фоне общей экономической и финансовой разрухи послевоенных лет) попытки ограничения сил линейного флота (Вашингтонское соглашение 1922), возрождение идей «молодой школы» в форме так называемой теории «малого флота», но период частичной стабилизации капитализма и затем приближение капиталистического мира к новому туру войн и революций снова поставили вопрос о строительстве крупного линейного флота.

Книги Мэхэна появились в ту эпоху, когда заканчивался процесс перехода капитализма свободной конкуренции, «свободного» капитализма, в его высшую стадию — стадию монополистического, загнивающего, умирающего капитализма, в стадию империализма.

В эти годы (последние десятилетия XIX в.) заканчивался, как указывал Ленин, «территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» и ставился вопрос о переделе мира сообразно «мощи и силе» великих держав, изменявшимся в силу закона неравномерности развития капитализма.

В своих книгах Мэхэн подытожил опыт торговых и морских войн XVII—XVIII столетий, войн, которые велись за колониальную торговлю и захват колоний, словом, за раздел мира. На опыте этих войн, оперируя примерами из истории создания Британской колониальной империи, Мэхэн весьма наглядно показал, какую крупную роль играл военный флот, как орудие захвата колоний и колониальной торговли.

Доктрина Мэхэна о господстве на море была, если можно так выразиться, стратегической оболочкой того исторического процесса, экономическим содержанием которого являлась борьба великих держав XVII—XVIII вв. — Англии, Голландии и Франции за раздел мира.

Понятно, что в эпоху окончания борьбы за раздел мира и начала борьбы за передел его империалисты всех стран увидели в теории Мэхэна нечто вроде универсального рецепта или ключа к достижению господства над миром, рецепта, составленного — и притом крайне ярко и убедительно — на конкретных примерах создания Британской империи и мирового могущества Англии.

В этом отношении теория Мэхэна, можно сказать, теоретически отображала самые сокровенные, самые заветные мысли, чаяния и надежды империалистической буржуазии, увидевшей в военном

флоте орудие не только торгового капитала (каким был флот в период торговых и морских войн XVII—XVIII вв.), но и финансового капитала.

Именно поэтому книги Мэхэна имели такое крупное значение в истории международных отношений эпохи империализма и организационной подготовки первой мировой империалистической войны.

Что же есть правильного и неправильного в теории Мэхэна о «влиянии морской силы на историю»? Можно согласиться с Мэхэном, когда он показывает на примерах истории морских войн, что линейный флот в огромном большинстве случаев решал исход той или иной войны на море благодаря господству над флотом противника. Но когда Мэхэн старается доказать, что морская сила является важнейшим, чуть ли не единственным фактором, решавшим исход войн во все времена и эпохи истории, то здесь он впадает в явное преувеличение, в основе которого лежит непонимание главного, того, что определяет и решает ход исторических событий, в том числе и войн, а именно — факторов социальной борьбы, социальной и экономической организации общества. Побеждает та страна, чья экономическая и социальная организация, чей экономический и социальный строй выше.

«... победа той или другой силы зависит от производства оружия, — указывал Ф. Энгельс, — а это последнее, в свою очередь, от производства вообще, следовательно от «экономического могущества», от состояния народного хозяйства, от материальных средств, находящихся в распоряжении силы...»

«... сила определяется положением народного хозяйства, доставляющего ей средства для приобретения и содержания ее орудий... Ничто не зависит до такой степени от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия находятся в прямой зависимости от данной степени развития производства и средств сообщения»¹.

Касаясь особо «морской силы» в эпоху формирования империализма, Ф. Энгельс подчеркивал, что «Политическая сила на море, опирающаяся на новейшие военные корабли, никоим образом не проявляется «непосредственно», а именно посредством экономических сил, высокого развития металлургии, наличности искусных техников и богатых угольных копей»².

Эти положения Энгельса являются основой военной теории марксизма, показывая, какие именно факторы в конечном итоге решают исход войны и обеспечивают победу, а именно: более высокая экономическая и социальная организация общества.

В XVII столетии более сильная по своему экономическому могуществу Англия одержала верх над более слабой Голландией и уничтожила морское могущество последней.

В XVIII столетии более высокая по своей экономической и социальной организации, завершившая свою буржуазную революцию Англия одержала верх над феодальной Францией.

¹ Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 169—170.

² Там же, стр. 176.

Теория Мэхэна проходит мимо этих факторов, игнорируя их.

Но Мэхэн для доказательства своей теории о «влиянии морской силы на историю» не только игнорирует важнейшее — социально-экономическую основу истории, но и прибегает, кроме того, к сознательному замалчиванию одних исторических факторов и сознательному передергиванию других.

Предоставляя детальный разбор теории Мэхэна военно-морским специалистам, мы можем лишь указать, что не столько господство Англии на море, сколько главным образом коалиция всех крупнейших держав Европы (Англии, Голландии, Австрии, Швеции и других) и решительное превосходство этой коалиции на суше, в конце концов, сломили мощь Франции в эпоху Людовика XIV.

Не столько морское могущество Англии, позволившее последней всего лишь захватить колонии Франции, а преждевременная смерть императрицы Елизаветы Петровны и восшествие на русский престол Петра III, тотчас же заключившего с Пруссией сепаратный мир, спасли разбитого русскими войсками Фридриха II и позволили Пруссии «выиграть» Семилетнюю войну.

Можно согласиться с Мэхэном, что связанность морских сил Англии французским флотом и «Лигой вооруженного нейтралитета», созданной Екатериной II в 1780 г., ухудшила положение Англии в войне американских колоний за свою независимость, но отнюдь не столько этот факт, а главным образом победы армии Вашингтона над английскими войсками позволили восставшим американцам выиграть войну и утвердить независимость США.

В эпоху наполеоновских войн, вопреки мнению Мэхэна, не английское могущество на море сломило Наполеона, но уничтожение «великой армии» в России в 1812 г.¹ и решительное превосходство коалиции сил России, Австрии, Пруссии и Англии на суше и истощение материальных ресурсов Франции привели в 1813—1815 гг. к поражению наполеоновской Франции.

И в эпоху империализма, когда Мэхэн выступил со своей теорией о «влиянии морской силы на историю», даже в Англии и Германии, в странах, где эта теория встретила наиболее восторженный прием, где Мэхэн был осыпан всяческими знаками внимания и почета, увлечение теорией Мэхэна, разумеется, не заставило правительства Англии и Германии отказаться от увеличения своих сухопутных сил, как орудия войны.

В одном из секретнейших документов английской дипломатии, составленном для короля Эдуарда VII, Грей указывал, что одна морская сила Англии не в состоянии вызвать разгром и поражение Германии, пока последняя не будет разбита на суше:

«Мы должны учитывать не только германский флот, но также и германскую армию. . . Какое бы превосходство ни имел наш флот, никакая морская победа не приведет нас ближе к Берлину».

¹ По образному выражению популярного английского романиста, до 1812 г. «английский бульдог мог лишь отсиживать в своей конуре за Ла-Маншем бессильно щелкая зубами и рыча от ярости».

Эта идея, как известно, и была положена английским империализмом в основу создания Антанты.

Хотя в Германии создатель германского военного флота адмирал Тирпиц доказывал, что нельзя «выиграть войну с Англией под Парижем» (см. Тирпиц, Воспоминания), т. е. победой на суше, но Вильгельм II понимал, что «английский флот абсолютно не может спасти Париж» в случае войны между Антантой и Германией, и, строя сильный линейный флот, способный померяться с английским в открытом бою, не переставал усиливать свою армию.

Таким образом, теория Мэхэна является преувеличенной и односторонней. История первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. и развертывающиеся сейчас события второй империалистической войны достаточно убедительно демонстрируют нам, что военный флот не является единственным и тем более решающим фактором, определяющим исход войны. Теория Мэхэна (здесь уместно сделать это сравнение) — столь же односторонняя, как и теория Дуэ, согласно которой только авиация решает исход сражений.

Но зато бесспорным остается в концепции Мэхэна, что сильный линейный флот — необходимый элемент в системе вооружений.

Проф. Н. П. Полетика

ВВЕДЕНИЕ

История морского могущества есть в значительной степени, хотя и не исключительно, повествование о состязаниях между нациями, о соперничестве между ними, о насилии, часто приводящем к войне. Глубокое влияние морской торговли на богатство и силу государств стало ясным задолго до того, как были открыты истинные законы, управляющие ее ростом и процветанием. Чтобы обеспечить своим народам несоразмерную долю благ морской торговли, правительства не жалели никаких усилий, стараясь помешать участию в ней других наций как путем мирных законодательных мер (монополии, запретительные правила), так и путем прямого насилия, когда эти меры не приводили к цели. Столкновение интересов, раздражение, порождавшееся попытками добиться большей доли в выгодах морской торговли, если не захватить ее полностью, приводили к войнам. С другой стороны, ход и результаты войн, возникавших из других причин, значительно видоизменялись контролем над морем. Поэтому история морской силы, обнимая, в широком смысле, все, что помогает нации сделаться великой на море или через посредство моря, является в значительной мере военной историей; именно с этой точки зрения (главным образом, хотя и не исключительно) история морской силы и будет изучаться в нашей работе.

Исследование военной истории прошлого, каким является и этот труд, рекомендуется великими полководцами как существенное средство для воспитания правильных представлений о войне и для искусного ведения ее в будущем. Наполеон называет между кампаниями, которые следует изучать солдату, стремящемуся выдвинуться, войны Александра, Ганнибала и Цезаря, коим порох был неизвестен; и профессиональные писатели, в общем, сходятся на том, что если многие из условий войны изменяются с прогрессом в орудиях ее, то в школе истории имеются некоторые уроки, которые остаются постоянными и, имея поэтому универсальное приложение, могут быть возведены в общие принципы. Изучение морской истории прошлого является поучительным еще и потому, что оно иллюстрирует общие принципы морской войны, независимо от больших перемен в орудиях ведения ее, порожденных научными успехами последнего полустолетия и применением пара как движущей силы.

Таким образом, вдвойне необходимо критически изучать историю и опыт морской войны в дни парусных судов, ибо из них

можно извлечь уроки, имеющие значение и для настоящего, тогда как паровые суда не имеют еще такой истории, уроки которой можно было бы считать принципиальными. О флоте парусном мы имеем много экспериментальных данных; о флоте паровом — почти никаких. Теории о морской войне будущего поэтому почти всецело гадательны; и хотя сделана была попытка подвести под них более солидный базис, опираясь на сходство между флотами паровыми и флотами галерными, двигавшимися под веслами и имеющими продолжительную и хорошо известную историю, все-таки полезно не увлекаться этой аналогией, пока она не будет окончательно проверена. Сходство это, в самом деле, далеко не поверхностное. Черта, общая галерам и паровым судам, — это способность двигаться в любом направлении независимо от ветра. Та же способность создает радикальное различие между названными двумя классами судов и судами парусными; ибо последние имеют перед собой ограниченный выбор курсов, когда ветер дует, и должны оставаться неподвижными, когда его нет. Но если полезно искать аналогии, то разумно иметь при этом в виду и то, что делает эти аналогии неполными; потому что, когда воображение увлекается открытием сходных черт (а это одно из самых приятных занятий для ума), то любое расхождение только что открытых параллелей становится для него настолько нетерпимым, что оно может пренебречь им и даже отказаться признать его существование. Таким образом галера и паровое судно имеют одну общую характерную черту, хотя она присуща им и не в равной степени; но по крайней мере в двух пунктах они существенно различаются между собой, и при обращении к истории галер за уроками для поведения военных паровых кораблей различие между ними надо иметь в виду столько же, сколько и сходство, ибо иначе могут быть сделаны ложные выводы. Движущая сила галер во время ее действия быстро и неизбежно ослабевала, потому что человек не мог долго выдерживать столь напряженные усилия; поэтому тактические маневры галер могли продолжаться лишь ограниченное время¹; кроме того, в галерный период действительность наступательного оружия ограничивалась не только близкой, но даже почти исключительно абордажной дистанцией. Эти два условия по необходимости приводили к взаимному стремлению противных сторон атаковать одна другую вплотную, не отказываясь, однако, от искусных попыток обойти или разделить неприятеля — попыток, которые, впрочем, заканчивались рукопашными схватками (*mêlées*). В таком столкновении и в такой схватке, в которой, как показывает история, трудно отличить друга от врага, большое число почтенных, даже выдающихся морских авторитетов нашего времени видит неизбежный результат применения современного морского оружия. Какова

¹ Так, Гермократ из Сиракуз, предлагавший для отражения Афинской экспедиции против этого города (413 г. до н. э.) приказать флоту выйти на встречу ей и держаться на фланге линии ее продвижения, сказал: «Так как их движение должно быть медленным, то мы будем иметь тысячу случаев атаковать их; но если они все вместе поспешно устремятся на нас, то должны будут налечь на весла, и когда силы их иссякнут, мы сможем напасть на них».